

Цыцарев Андрей Александрович

Tsytzarev Andrey Aleksandrovich

кандидат философских наук, доцент кафедры истории, архивоведения и правовых учений Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема

PhD, Associate Professor, History, Archival and Legal Studies Department, Sholem Aleichem Amur State University

ТЕХНИКА КАК ИДЕОЛОГИЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИКИ

TECHNOLOGY AS IDEOLOGY AND TECHNICAL RATIONALITY OF POLITICS

Аннотация:

В статье рассматривается техника как идеология, которая сегодня замещает так называемые традиционные идеологические структуры, прежде всего политические. По мнению автора, идеологическая роль техники заключается в том, что она служит главным инструментом, с помощью которого организуются социальные связи и отношения. В частности, значительное влияние и большую глубину проникновения во все общественные процессы имеют современные информационные технологии. На основе анализа различных источников, исследований отечественных и зарубежных специалистов, посвященных актуальной теме, сделан вывод о том, что социальные отношения опосредованы техникой. Автор полагает, что в определенном смысле они и есть техника, которая выступает в качестве условия «видения» мира, задает соответствующую оптику. Традиционные идеологии утрачивают актуальность, становятся атавизмом и используются только как элементы управления в политической сфере, которая форматирована технической рациональностью. Политическая практика является технической практикой. «Утопическая» проективность политики замещается техническим управлением.

Ключевые слова:

техника, идеология, власть, господство, управление, общество, человек, отношение, реальность.

Summary:

Technology is regarded as an ideology which today replaces the so-called traditional ideological structures, particularly political ones. In the author's opinion, the ideological role of technology lies in the fact that it serves as the main tool for arranging social connections and relationships. In particular, modern information technology has a great impact on all social processes and penetrates deeper into them compared to other technologies. Based on the analysis of various Russian and international studies, the author concludes that social relationships are mediated by technology. In a certain sense, they are a technology that is treated as a condition for the vision of the world and sets the appropriate optics. Traditional ideologies lose their relevance, become atavism and are used only as elements of governance in the political sphere formatted with technical rationality. Political practice is a technical practice. The utopian projectivity of politics is replaced by technical management.

Keywords:

technology, ideology, power, domination, governance, society, human, attitude, reality.

Вопрос рассмотрения техники как идеологии имеет сложившуюся традицию. В значительной степени она представлена в работах немецких мыслителей XX в. Ф. Юнгера, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и других. Техника, исследуемая в данном аспекте, – это закономерный момент развития западной мысли. С середины XIX в. такие традиционные идеологические структуры, как религия, мораль, политическая идеология, обеспечивавшие функционирование общества, получают социальное истолкование. В XX в. техника, как и наука, становится предметом подобного рассмотрения.

Понятие идеологии имеет ряд интерпретаций, ее характеризуют как систему идей, знаний и познавательных установок по отношению к миру и человеку в нем. В специфическом варианте идеология – это система идей, отражающих отношение к обществу, государству, политике. Выразительным, на наш взгляд, является определение С. Жижека, представляющего идеологию как «такой социальный механизм, сам гомеостаз которого предполагает, что индивиды “не сознают, что они делают”» [1, с. 14]. Данное понимание можно распространить не только на политическую реальность, но и реальность вообще, т. е. идеология – необходимый «защитный экран» от реального [2]. Защищенность обеспечивается и интегрирующей функцией идеологии, поскольку это такая совокупность представлений, которая «служит для того, чтобы соединять людей в те или иные социальные структуры» [3, с. 59]. Организация людей в устойчивые воспроизводящиеся структуры – важнейшая задача политики.

Исследования идеологии получают значительный импульс в индустриальную эпоху, когда возникают массовые производственные отношения. Массовое производство, осуществляемое на основании рациональных и всеобщих правил, обнажает работу идеологического механизма.

Поскольку цепочка производственных отношений не может быть доступна одному взгляду и воспринята во всей своей полноте одним человеком, то человек массового производства не знает, что именно он делает в целом. Ему доступно только ограниченное социальное пространство и соответствующее понимание. При этом сама «жесткая» структура производства способствует тому, что человек всякий раз возвращается к выполнению своих функций.

В итоге массовое производство эффективно «удерживает» общество. Рабочий ритм, выполнение четких, последовательных операций в одно и то же время создают устойчивость социальных отношений, так как человек, включенный в этот порядок производственной необходимости, не выпадает из коллективных взаимодействий, форматированных массовым индустриальным производством, а должен всякий раз возвращаться к обязанностям и включаться в эти отношения. Социальное поведение определяется комплексом представлений о том, где человек находится, каково его предназначение. Подобную ситуацию нельзя охарактеризовать однозначно (правильная она или нет), поскольку «идеология лежит вне вопроса об истине и лжи» [4, с. 60]. Такое представление – отчасти картина реальности, открывающаяся из точки, в которой субъект ее фиксирует. Вместе с тем полнота реальных связей, порождающих доступное человеческому восприятию представление, не может быть охвачена единственным взглядом и единой точкой зрения, такой оптики не существует. Следовательно, идеология – неотъемлемая составляющая работы мышления.

В традиционном обществе человек в организации своей практики ориентировался на различные виды повторяющихся явлений, в первую очередь природные, космические циклы. Структура времени (религиозные праздники, сезонные даты) и пространства (священные места) организовывала социальные отношения. Вернее, объективированные представления людей о космосе, природе, религии оказывали организующее влияние на отношения и деятельность. В современном обществе, когда мир «расколдован», важнейшим организующим влиянием обладает само общество, устройство которого научно рационализировано и технически управляемо. Исторически сложившиеся социальные практики, выступающие в отраженном виде как идеологические структуры, замещены рационально организованными и технически выстраиваемыми отношениями. Техногенный порядок общества становится не сакральным и символическим источником власти, а рационально обоснованным, опирающимся на научное знание и технические возможности.

Социальное целое отгорожено от рядового обывателя непроницаемым идеологическим экраном. Ресурс для рационализации у человека и у технически вооруженной власти несопоставим. Гражданин «просчитывается» более детально, глубина его просчета увеличивается. Выстраивание социальных отношений на основании этого приводит к тому, что поведение человека, его мотивации, цели и смыслы спроектированы и управляемы. Данная тема не нова, в XX в. она часто обсуждалась, но сегодня речь может идти еще и об увеличении интенсивности этого просчета, растущих возможностях технократии.

Социальные отношения опосредованы техникой, в определенном смысле они и есть техника. При этом «машины – единственный реальный стандарт порядка, и они сделаны так, чтобы ими было легко управлять» [5, с. 108]. Комплекс сложных общественных отношений, в том числе производственных, в значительной степени «зашит» в структуру технического устройства. Техника, обеспечивающая прежде всего социальную коммуникацию, с одной стороны, обращена к человеку, представляясь простой в управлении, с другой – сложна по внутренней структуре, повторяющей и воспроизводящей структуру отношений усложняющейся социальной коммуникации. Это положение формирует у человека представление о множественности выбора, обеспеченного техническим средством. Простота пользования, возможности техники и свобода выбора социальных отношений, на ней основанная, создает ощущение несоотнесенности, независимости от технически детерминированных обстоятельств и самих социальных отношений. Однако, как пишет С. Жижек, «идеологическая идентификация оказывает наибольшее влияние на нас, когда мы полностью осознаем, что не идентичны с ней, что под маской скрывается человеческая сущность с богатым внутренним миром: «Не все есть идеология, под этой идеологической маской я – тоже живой человек». Это та форма идеологии, которая наиболее «эффективна на практике» [6, с. 64]. Уверенность в собственной независимости, в простоте и иллюзорной понятности социальной системы и существующих отношений говорит об обратном, о зависимости и включенности сознания в существующий порядок.

Таким образом, обнаружены два аспекта, способствующие превращению техники в основу современного политического управления. Первый – момент упрощения действия со стороны рядового человека. В этом случае техника выполняет одну из основных идеологических функций, которая состоит в упрощении и «схематизации» реальности. От человека – участника отношений не требуется эквивалентное усложнение, т. е. соответствующий рост понимания сложности общества; от него не требуется рост его культуры. Данную функцию берет на себя техника, воплощая увеличивающуюся сложность социальных связей, и она же обеспечивает управляемость социальной системы.

Второй аспект – это возможность и способность власти управлять запутанными цепочками социальных отношений, реальных отношений, влияющих на состояние социальной системы. С позиции субъекта власти возникает иллюзия *неидеологического* взгляда, картина, на наш взгляд, представляется полностью транспарентной. Предполагается, что не существует «слепых» мест в структуре социальной системы, не доступных для рационализации, контроля и управления. Это следствие научной картины мира, которая лежит в основе технократизма. Существует только то, что доступно регистрации и что можно сделать. Если что-то можно сделать, то это нужно сделать. Техническая рациональность, которая ориентирует на максимально возможную экспликацию потенциалов, совпадает с политической рациональностью. Если политика – это «искусство возможного», то техника – практика реализации, т. е. «поставления» [7] возможностей. В итоге нельзя не согласиться с тезисом о том, что теперь «мы не политики, а “техники” – функционеры прогресса» [8, с. 10].

Техника становится условием «видения» мира, задает соответствующую оптику. С одной стороны, она «сокращает мир» в его масштабе, уменьшая пространство, ускоряя время, а с другой – увеличивает интенсивность и сложность социальных коммуникаций. Такой эффект можно наблюдать в современных информационных технологиях. Все инструменты, в первую очередь сеть, с технической точки зрения, по своей внутренней структуре, организации недоступны для целостного исчерпывающего восприятия субъектом. Многообразие связей не может быть охвачено человеком. Как в традиционной социальной системе большая часть реальных отношений, производящих определенное видение и определенную идеологию, скрыта от субъекта, так и в сети вся полнота связей и отношений технически доступна, но ментально, т. е. для осознания и построения исчерпывающей картины, отражающей реальность, невозможна.

Как и прежде, многие склонны думать, что человеческий мир устроен в соответствии с идеями справедливости, добра, всеобщего блага. В конкретной политической практике такие устаревшие идеологические конструкции, с которыми связаны чаяния народа или определенных групп в обществе, должны стать, с точки зрения власти, одним из параметров управления и использоваться для символического обеспечения господства. В действительности же единственный критерий отношения к идеологическим конструкциям – это эффективность достижения цели. Если эти идеологии нельзя не учитывать при принятии управленческих решений, то необходимо относиться к ним как к имеющим значение. Целеполагание также обладает технической природой, сводится к гомеостазу социально-политической системы и сохранению существующего статус-кво. Вспомним тезис Г. Маркузе о том, что «технологическая рациональность становится политической рациональностью» [9, с. 262]. Реальное управление процессами и принятие решений являются техническими вопросами. Традиционные идеологии становятся атавизмом. Они принимаются в расчет исключительно как один из параметров порядка. В действительности сложные отношения человека и мира опосредованы техникой.

Техника – это организованная деятельность, направленная «вовне» [10], деятельность по «неорганической организации сущего» [11]. Организовать и политически использовать можно лишь то, что существует. Существует только то, что технически осуществлено. Осуществимо только то, что рационально концептуализировано и научно обосновано. Таким образом, политическая практика укладывается в рамки логоцентристской картины мира и технической рациональности. Целесообразно согласиться с мнением о том, что «исчезновение трансцендентности в истории – симптомы рационализации мира, «конца политики» и замены ее «управлением» [12]. Исчезают политические проекты будущего социального устройства, перспективы некоторого «светлого будущего», утопии, которые могут пониматься как «альтернатива существующему обществу» [13, с. 26]. Произошла «герметизация технически-политического универсума» [14], в котором нет и не может быть оппозиции существующему порядку, где все может быть поставлено под контроль.

Ссылки:

- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. 235 с.
1. Там же.
 2. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. СПб., 2018. 635 с.
 3. Там же. С. 60.
 4. Сеннетт Р. Коррозия характера. Новосибирск ; М., 2004. 269 с.
 5. Жижек С. Чума фантазий. Харьков, 2014. 386 с.
 6. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П.С. Гуревича. М., 1986. С. 45–67.
 7. Фишман Л.Г. Существует ли современное массовое сознание? // Политика. 2017. № 3 (86). С. 6–24. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-6-24>.
 8. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003. 528 с.
 9. Энгельмейер П.К. Философия техники. СПб., 2013. 96 с.
 10. Stiegler B. Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus. Stanford, 1998. 316 p.
 11. Самарская Е.А. Политические идеологии и техника // Философские науки. 2017. № 11. С. 22–39.
 12. Там же. С. 26.

13. Маркузе Г. Указ. соч.

References:

- Engelmeier, PK 2013, *Philosophy of Technology*, St. Petersburg, 96 p., (in Russian).
- Fishman, LG 2017, 'Is There a Modern Mass Consciousness?', *Politia*, no. 3 (86), pp. 6-24, <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-6-24>, (in Russian).
- Heidegger, M 1986, 'The Issue on Technology', in PS Gurevich (ed.), *New Technocratic Wave in the West*, Moscow, pp. 45-67, (in Russian).
- Mamardashvili, MK 2018, *Essay on Modern European Philosophy*, St. Petersburg, 635 p., (in Russian).
- Marcuse, H 2003, *Eros and Civilization. One Dimensional Man*, Moscow, 528 p., (in Russian).
- Samarskaya, EA 2017, 'Political Ideology and Technology', *Filosofskiye nauki*, no. 11, pp. 22-39, (in Russian).
- Sennett, R 2004, *The Corrosion of Character*, Novosibirsk, Moscow, 269 p., (in Russian).
- Stiegler, B 1998, *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*, Stanford, 316 p.
- Žižek, S 1999, *The Sublime Object of Ideology*, Moscow, 235 p., (in Russian).
- Žižek, S 2014, *The Plague of Fantasies*, Kharkov, 386 p., (in Russian).